

В ЗЕРКАЛЕ ДРАМЫ

ТЕАТР

Уже афиша «Бесприданницы» вызывает у театрала цепь ассоциаций: волжская ширь, гордая и страдающая красавица Лариса, барственно надменный Паратов и т. п. У каждого свои представления в соответствии с его зрительской памятью. Но это касается лишь его — зрителя. Афиша может вызвать и вопрос: «Почему «Бесприданница»? Почему в юбилейный год Островского театр взялся именно за эту пьесу. А вот это уже дело театра, зрителю же остается смотреть и судить его работу.

Спектакль театра имени А. Иванова, поставленный М. Ошеровским, еще раз убеждает в том, что как бы ни была велика сценическая история классической пьесы, сегодня у коллектива, обратившегося к «Бесприданнице», велики возможности открыть в драматургическом материале то, что не было открыто предшественниками. Постановщик и весь творческий коллектив стремились избежать тривиальных решений, старались сделать свой спектакль современным.

Внешние приметы современного спектакля часть зрителей видит в подчеркнутой простоте оформления В. Бобыниной (на сцене даже отсутствует привычный образ Волги), в подвешенных над сценой софитах, в незакрывающемся занавесе. Более важно, на мой взгляд, другое. М. Ошеровскому удалось добиться необычайной остроты, динамичности, а в отдельных эпизодах — нервной насыщенности действия. Не случайно, что сценическое пространство используется не на всю глубину, а наиболее важные события максимально приближены в прямом смысле к зрителю. Спектакль даже начинается на авансцене: появляются три приказчика, которые нервным диалогом задают темп и характер всему спектаклю.

Этих приказчиков у Островского нет. Введенные режиссером, они ведут диалог с основными персонажами, без слов участвуют в действии, или комментируют происходящее, выполняя функции своеобразного хора. Это к тому же посредники между действием и зрителем. Такое решение, за исключением отдельных издержек, полностью оправдывает себя.

Постановщик спектакля настойчиво требует от исполнителей не только умения мастерски доносить текст, но также играть без слов. Очень выразительно молчит Огудалова (арт. Л. Полякова), ее

На снимках: (слева направо)
Паратов — арт. Г. Дрозд, Лариса — арт. С. Пелиховская,
Карандышев — арт. А. Курский.
Фото М. Рыбака.

напоминает приказчика), но в рамках избранного решения Л. Алексеевко отлично справляется со своей ролью.

В жанровом отношении спектакль, особенно во второй своей части, тяготеет к трагедии. В постановке М. Ошеровского — три трагических персонажа: Лариса, Карандышев и Паратов. У каждого из них своя трагедия, причины которой коренятся в действительности.

Лариса в исполнении молодой артистки С. Пелиховской резко выделяется из своего окружения молодостью, порывистостью характера, неподдельностью чувств. Она единственная в своем мире способна любить. На минуту изменив самой себе, она возвращается к этой душевной щедрости («я вас всех люблю!») после выстрела Карандышева. Кстати, передать эту метаморфозу еще не полностью удается актрисе. К тому же зритель должен поверить, что Лариса, которую никто не любил, проносит заключительные слова как только что постигнутую истину.

Характер Карандышева решен постановщиком и актером А. Курским более или

Такая трактовка, разумеется, возможна. И все же думается, что сегодня целесообразнее и созвучнее социальному и эстетическому опыту зрителя был бы иной подход к персонажу. Ведь у Паратова, в отличие от Ларисы, есть выбор, и он делает его сознательно. Делец подминает чувствующего человека в Паратове, и он, безусловно, ответствен за свой поступок. А «народолюбие» и демократизм Паратова, акцентированные театром, сегодня с не меньшей убедительностью могли бы быть истолкованы как демагогия.

Возвращаясь к разговору о современности этого спектакля, я бы добавил, что он получился современным прежде всего по форме: своей современностью он обязан не столько новой смысловой интерпретации драмы, сколько режиссерской изобретательности и мастерству исполнителей. Это не значит, что все в постановке безукоризненно. Мне кажется, например, мало оправданным введение отсутствующих в драме цыган. Как длиннота воспринимается романс Паратова. Вывеска «Оптовый склад С. Паратова» на одном из странных

открыто предшественниками. Постановщик и весь творческий коллектив стремились избежать тривиальных решений, старались сделать свой спектакль современным.

Внешние приметы современного спектакля часть зрителей видит в подчеркнутой простоте оформления В. Бобыниной (на сцене даже отсутствует привычный образ Волги), в подвешенных над сценой софитах, в незакрывающемся занавесе. Более важно, на мой взгляд, другое. М. Ошеровскому удалось добиться необычайной остроты, динамичности, а в отдельных эпизодах — нервной насыщенности действия. Не случайно, что сценическое пространство используется не на всю глубину, а наиболее важные события максимально приближены в прямом смысле к зрителю. Спектакль даже начинается на авансцене: появляются три приказчика, которые нервным диалогом задают темп и характер всему спектаклю.

Этих приказчиков у Ошеровского нет. Введенные режиссером, они ведут диалог с основными персонажами, без слов участвуют в действии, или комментируют происходящее, выполняя функцию своеобразного хора. Это к тому же посредники между действием и зрителем. Такое решение, за исключением отдельных издержек, полностью оправдывает себя.

Постановщик спектакля настоятельно требует от исполнителей не только умения мастерски доносить текст, но также играть без слов. Очень выразительно молчит Огудалова (арт. Л. Полякова), ее присутствие на сцене ощутимо даже тогда, когда она не произносит ни слова. Циничная хищница, Огудалова особенно наглядно обличает свой нрав в беседах с Кнуровым и Паратовым. Исполнительница умело подчеркивает наигранность в манере поведения Огудаловой, не упуская главного в характере героини. Удачной игрой без текста достиг успеха Ю. Кравцов, исполняющий роль слуги из кофейной.

Очень интересен и убедителен Кнуров в исполнении Е. Котова. Он не похож на других Кнуровых, этот хищник не только умен, но и своеобразный ценитель прекрасного, хотя мерилом прекрасного для него остаются деньги. Не шаржируя играет Робинзона В. Бассаль. Его герой в меру смешон в первом акте и жалок, способен вызвать сострадание — во втором.

Можно спорить о режиссерской трактовке характера Вожеватова (порой он уж слишком суетлив и манерами

На снимках: [слева направо]
Паратов — арт. Г. Дрозд, Лариса — арт. С. Пелиховская,
Карандышев — арт. А. Курский.
Фото М. Рыбака.

напоминает приказчика), но в рамках избранного решения Л. Алексеевко отлично справляется со своей ролью.

В жанровом отношении спектакль, особенно во второй своей части, тяготеет к трагедии. В постановке М. Ошеровского — три трагических персонажа: Лариса, Карандышев и Паратов. У каждого из них своя трагедия, причины которой коренятся в действительности.

Лариса в исполнении молодой артистки С. Пелиховской резко выделяется из своего окружения молодостью, порывистостью характера, неподдельностью чувств. Она единственная в своем мире способна любить. На минуту изменив самой себе, она возвращается к этой душевной щедрости («я вас всех люблю!») после выстрела Карандышева. Кстати, передать эту метаморфозу еще не полностью удается актрисе. К тому же зритель должен поверить, что Лариса, которую никто не любил, произносит заключительные слова как только что постигнутую истину.

Характер Карандышева решен постановщиком и актером А. Курским более или менее традиционно. Карандышев смешон, жалок, неэстетичен, временами театр просто беспочваден к нему. Такому решению способствовали и некоторые сокращения текста, сделанные постановщиком. Вот почему произносимый в героико-трагедийном ключе монолог «Я — смешной человек!» — не совсем вписывается в созданный театром характер.

Артист Г. Дрозд в роли Паратова еще раз обнаруживает незаурядные творческие возможности. Запоминаются интонации Паратова, его речь, его взгляд, исполненный непреодолимой скуки. Паратов, несмотря на пресыщенность и цинизм, все же любит Ларису, но вынужден оставить ее, чтобы спасти главное для себя — свое состояние. Фразу «Я обручен» Паратов может произнести по-разному. У Г. Дрозда это трагический крик души, таким образом ставится точка над «i» в трактовке образа.

Такая трактовка, разумеется, возможна. И все же думается, что сегодня целесообразнее и созвучнее социальному и эстетическому опыту зрителя был бы иной подход к персонажу. Ведь у Паратова, в отличие от Ларисы, есть выбор, и он делает его сознательно. Делец подминает чувствующего человека в Паратове, и он, безусловно, ответствен за свой поступок. А «народолюбие» и демократизм Паратова, акцентированные театром, сегодня с не меньшей убедительностью могли бы быть истолкованы как демагогия.

Возвращаясь к разговору о современности этого спектакля, я бы добавил, что он получился современным прежде всего по форме: своей современностью он обязан не столько новой смысловой интерпретации драмы, сколько режиссерской изобретательности и мастерству исполнителей. Это не значит, что все в постановке безукоризненно. Мне кажется, например, мало оправданным введение отсутствующих в драме цыган. Как длиннота воспринимается романс Паратова. Вывеска «Оптовый склад С. Паратова» на одном из строений нивелирует разницу между купцами и дворянином-судовладельцем.

И тем не менее спектакль получился органически цельный, интересный. Состоялось новое свидание с драматургией Островского. Состоялось знакомство одесских зрителей с М. Ошеровским как драматическим режиссером (надеюсь, что оно получит продолжение), с рядом молодых одаренных актеров.

С некоторыми замечаниями, содержащимися в этой рецензии, читатель может и не согласиться. Единства мнений по поводу последней работы театра имени Иванова нет ни среди критиков, ни среди зрителей. И это хорошо. Спектакль, о котором спорят, — живой и, думается, нужный спектакль.

М. СОКОЛЯНСКИЙ,
доцент Одесского
университета имени
Мечникова.